

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
РОССИЙСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОНД

Дефиниции культуры

Выпуск VIII

Издательство Томского университета
2009

СПАСЕТ ЛИ КРАСОТА МИР?

Ю.В. Петров

Накануне и в первые годы перестройки разного рода темные личности – расслабленные, юродивые, галлюцинаторы, авантюристы – со всех трибун и во всех средствах информации усиленно кричали, что необходимо срочно «войти в цивилизованный европейский мир», что «Запад нас спасет и накормит», что «так жить нельзя», имея в виду, что в стране было бесплатное образование и медицинское обслуживание, право на труд и на отдых, самая низкая преступность в мире, не существовало бедных и т.д. Эти фиктивные лозунги быстро исчезли ввиду их явной несообразности реальной действительности, – остался полный конфуз, – однако один из них, несколько выделяющийся по своему смысловому значению и не носящий политического оттенка, сохранился и по сей день. Нет-нет да и прозвучит яркий и удивительный афоризм «красота спасет мир», несмотря на все преступления и геноцид, совершаемые в современном мире, на преднамеренное разрушение памятников культуры и искусства народов, подвергшихся агрессии Запада, на экологическую катастрофу, создавшуюся деятельностью однополярного, глобализированного мира. Выкликающие эту веру и надежду великого мыслителя сегодня объективно затушевывают все антагонизмы и противоречия преступного мира и способствуют прикрытию зверств и чудовищного насилия, совершаемого Западом (в первую очередь США и их клиентами) в отношении стран и народов так называемого третьего мира или стран Юга. В силу указанных причин следует признать, что лозунг «красота спасет мир» несвоевременный, пустой и бессодержательный в мире, который «колеблется над бездной», находится у последней черты вселенской катастрофы. «Эту фразу без конца мусолят те, у кого нет своих мыслей, кто не самостоятелен в мышлении, – пишет известный русский философ Ф.А. Селиванов. – Их тешит то, что они думают так, как великие – действительные или мнимые» [1, с. 182]. Утверждение, что «красота спасет мир» крайне неопределенно во многих отно-

шениях. Что такое «красота»? Ее параметры не заданы, можно только догадываться, что она собой представляет. Красоты как таковой не существует – у нее нет тождественного себе онтологического статуса; красота определяется эстетическими воззрениями людей, живущих в границах своей культуры, поэтому представления о ней у зулусов, эскимосов, аборигенов Австралии или европейцев будут принципиально различными.

Кого спасет «красота»? Мир, в котором живут люди, в социальном плане противоречив и неоднороден. Есть бедные и богатые, есть крестьяне, прозябающие в тысячелетней нищете, и горожане, ютящиеся в фавелах; есть иностранные рабочие, рабочие-иммигранты и свободные рабочие развитых стран. Над всеми ними возвышаются банкиры, воротилы бизнеса, магнаты печатных и электронных средств связи и т.д. Могут ли названные социальные слои и классы спасти друг друга? Могут ли также израильтяне спасти палестинцев, американцы – пуштунов, англичане – ирландцев, французы – алжирцев? Вопрос в значительной степени праздный в силу своей очевидности.

Следует сказать, что спасающие «красотой» чаще всего не подозревают, кому принадлежат эти удивительные слова – то ли Сократу, то ли Платону, то ли Фоме Аквинскому; тем более они не догадываются, что великий писатель высказал эту идею не прямо – не сам, а опосредованно – через князя Мышкина. И кроме того, как свидетельствует весь контекст произведения, создается впечатление, что у самого Достоевского в период написания романа «Идиот» не было ясного представления относительно идеи спасения мира «красотой». Об этом говорят следующие факты. Во-первых, отдельные фразы о красоте как бы вырваны из контекста, звучат обособленно от основного текста, и скорее похожи на фразы-заклинания. Никакого развития в диалогах героев романа идея красоты не получает. Вот типичный пример. Когда основные персонажи внимательно рассматривают портрет Настасьи Филипповны, князь Мышкин ограничивается замечанием: «В этом лице страдания много...». Аделаида находит, что в нем «Эдакая сила!». На вопрос Лизаветы Прокофьевны она поясняет: «Такая красота – сила ...с этакую красотой можно мир перевернуть!».

Чуть раньше, во время той же беседы князя Мышкина с Аделаидой, Александрой, Аглаей и Лизаветой Прокофьевной в доме Епанчиных, Мышкин, глядя на Аглаю, говорит: «...вы чрезвычайная красавица, Аглая Ивановна, вы так хороши: что на вас боишься смотреть». – «И только? А свойства?» – настаивала генеральша. – «Красоту трудно судить; я еще не приготовился. Красота – загадка». Вот, собственно, и все, что сказано о красоте в большом романе, насчитывающем сотни страниц.

Во-вторых, по прочтении романа остается много неясного в сущности «красоты» – того, что читатель может только домысливать, а также понимать, обращаясь ко всему творчеству писателя, особенно к постижению его религиозного мировоззрения и учения о Боге, чтобы восполнить недостающий пробел. В данном же случае в романе «красота» понимается как «сила», как «загадка», и предполагается, что посредством красоты можно спасти мир.

В-третьих, удивительно то, что сам князь Мышкин нигде не говорит, что «мир спасет красота». Об этом мы узнаем не через прямую речь, но от других персонажей романа; эти его заявления находятся «за кадром» и читателю представляется право самому домысливать о делах и взаимоотношениях героев, совершаемых за рамками повествования, что придает всему происходящему еще большую насыщенность, динамичность и глубину «новых миров». «Правда, князь, – спрашивает Ипполит Мышкина, – что мир спасет красота?» «Господа, – закричал он громко всем, – князь утверждает, что мир спасет красота!» Во время встречи Мышкина с Аглаей она его предупреждает: «Слушайте, раз навсегда ...если вы заговорите о чем-нибудь вроде смертной казни, или об экономическом состоянии России, или о том, что «мир спасет красота», то... я, конечно, порадуюсь и посмеюсь очень, но... предупреждаю вас заранее: не кажитесь мне потом на глаза!».

Но Достоевского, конечно же, не могло удовлетворить понимание красоты наподобие античному, как то, что «нравится», привлекает взгляд, как красота тела и души (калокагатия), как «сияние». Понятие «красота» у него имеет иной онтологический статус, а вовсе не ограничивается только эстетическим содержанием, как некая гармония и пропорциональность частей универсума (апполоническая красота). Красота имеет божественное происхождение, она выражает сущность Бога, а человек ее постигает через приобщение к Нему. Постигая красоту в Боге, человек преобразуется и начинает видеть прекрасное в сотворенном Богом мире. «О, я только не умею высказать... – восклицает Мышкин, – а сколько вещей на каждом шагу таких прекрасных, которые даже самый потерявшийся человек находит прекрасными? Посмотрите на ребенка, посмотрите на божию зарю, посмотрите на травку, как она растет, посмотрите в глаза, которые на вас смотрят и вас любят...».

Вот здесь-то и следует самым решительным образом не согласиться с теми, кто идею «красоты-спасения» Достоевского пытается интерпретировать безотносительно к религиозному мировоззрению и рассматривать с атеистических, естественно-научных или «натуралистических» позиций. Здесь обнаруживается факт откровенного воровства и присвоения чужой идеи; вне христианского учения эта удивительная мысль

теряет свои первоначальные смысл и содержание, поскольку представление о красоте за рамками православной религии приобретает уже другое, самое различное толкование: красота для католика будет иной, чем для мусульманина, для эскимоса иной, чем для бушмена. Даже в пределах одной культуры, например европейской, идея красоты претерпевает существенные изменения: критерии красоты в Средние века, в эпоху Кватроченто и Чинквеченто, в Новое время (барокко, Просвещение, неоклассицизм, романтизм, викторианство, современное искусство, авангард, массмедиа) не совпадают [2, с. 440]. О какой красоте говорят представители естественнонаучной философии? Чья красота спасет мир: красота эскимоса, зулуса, пуштуна, католика или протестанта? Красоты как таковой в природе нет, все эстетические представления о прекрасном находятся во внутреннем мире человека-субъекта. Красота в природе существует только для христианства; мир прекрасен, потому что является творением Божиим. Для православия и русской христианской философии «красота» не гносеологическая и эстетическая категория, «красота есть характеристика высшего качественного состояния бытия, высшего достижения существования. Можно сказать, что красота не есть лишь категория эстетическая, но есть и категория метафизическая. Если что-нибудь и воспринимается человеком целостно, то именно красота. Мы говорим: прекрасная душа, прекрасная жизнь, прекрасный поступок и т.д. Это не есть лишь эстетическая оценка, это целостная оценка. Все гармоническое в жизни есть красота. Во всяком соответствии есть элемент красоты. Красота есть конечная цель мировой и человеческой жизни» [3, с. 326]. Царство Божье может быть представлено только как царство красоты. Всякое преображение человека и мира, говорит Бердяев, есть также явление красоты. «С самых первых веков отцы Церкви постоянно говорят о красоте всего сущего. Из Книги Бытия люди знали, что на исходе шестого дня Бог увидел, что все им сотворенное хорошо (1, 31), а книга Премудрости Соломона напоминала, что мир был создан Всевышним в соответствии с числом, весом и мерой, то есть в соответствии с критериями математического совершенства» [4, с. 43]. Следовательно, если человек постигнет красоту Бога, то увидит и откроет для себя красоту в природе. Открытие божественной красоты, разлитой в мироздании, необходимо преобразит человека и он проникнется христианской любовью. «Братья, не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его, ибо сие уж подобие божеской любви и есть верх любви на земле, – говорит старец Зосима. – Любите все создание божие, и целое и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч божий любите. Любите животных, любите растения, любите каждую вещь. Будешь любить всякую вещь и тайну божию постигнешь в вещах. Постигнешь однажды и уже

неустанно начнешь ее познавать все далее и более, на всяк день. И полюбишь, наконец, весь мир уже всецелою, всемирною любовью».

Христианская любовь бескорыстная и чистая; человек любит не из «выгодной выгоды» и расчетливой корысти, но по велению сердца; такая любовь исключает всякую мстительность, завистливость и злобу. «Мечтаю видеть и как бы уже вижу ясно наше грядущее, – говорит старец Зосима, – ибо будет так, что даже самый развращенный богач наш кончит тем, что устыдится богатства своего перед бедным, а бедный, видя смирение сие, поймет и уступит ему с радостью и лаской ответит на благолепный стыд его».

Возможно ли говорить о таком понимании красоты для тех, кто не разделяет христианского мировоззрения и стоит на естественно-научных позициях в философии, а также кто саму жизнь понимает как насилие и агрессию, но вовсе не как череду праведных поступков. Ответ очевиден – невозможно! Философы, сохранившие себя со времен «диалектического материализма» эпохи «красной профессуры», в лучшем случае идею «красоты» понимают эстетически. Эстетика ограничивается искусством и не имеет отношения к живой действительности. «Спасение мира через красоту есть спасение через святость, через явление той силы, которая задавлена грехом, – говорит о проблеме красоты в миросозерцании Достоевского выдающийся русский философ В. Зеньковский. – ...В формуле о спасении мира через красоту дана не апология искусства, а дана религиозная идея – спасение мира через святость, через восстановление образа Божия в нас» [5, с. 272–273]. Любая эстетическая концепция красоты бессильна спасти мир, поскольку в ней разорвана связь красоты и любви, искусства и морали. Беда в том, говорит Достоевский, что «эстетическая идея помутилась в человеке». Теория всегда только теория и не имеет отношения к реальной действительности. Эстетическая теория современных философов, будучи «натуралистической», проходит мимо той стороны предметного мира, которая открывается человеку через обнаружение «смысла», «мудрости» в преднайденной природе. «Красота» мира в миросозерцании Достоевского понимается как некая идеальность, восходящая к софийной глубине мира; «спасение» мира возможно при условии, что с «красоты», являющейся ликом божественной Софии, снято темное покрывало греха и неправды. В идее Достоевского «красота спасет мир» нет ничего от естественно-научного рационализма и материализма, она есть художественное выражение христианского учения о мире, как его понимает православная церковь.

Но «красота» не только спасение мира, о чем говорят представители естественно-научного материализма и «натуралистической» эстетики.

Красота противоречива и двусмысленна, и в ней наряду с добром и любовью содержится страшная разрушительная сила зла. Уже в «Идиоте» можно видеть первые симптомы тревоги, которые рождаются в душе князя Мышкина во время разговора с Ганей по поводу красоты Настасьи Филипповны. «Удивительное лицо! – ответил князь, – и я уверен, что судьба ее не из обыкновенных. Лицо веселое, а она ведь ужасно страдала, а? Об этом глаза говорят, вот эти две косточки, две точки под глазами в начале щек. Это гордое лицо, ужасно гордое, и вот не знаю, добра ли она? Ах, кабы добра! Все было бы спасено!».

«Ах, кабы добра!» – фраза, заставляющая усомниться в том, что красота есть исключительно любовь и спасение. Сомнение о спасительной силе красоты уже вскользь выражено в речи Ипполита. Передав присутствующим слова князя о спасительной силе красоты, он спрашивает его – «Какая красота спасет мир?». Ответа не последовало и, следовательно, можно допустить, что есть какая-то иная красота, которая не спасет мир. Если красота не несет добра, то в таком случае она есть источник зла и разрушения.

Ключ к разгадке великой «эстетической утопии» (В. Зеньковский) Достоевского «красота спасет мир» лежит в его антропологии. Понять сущность красоты невозможно иначе, как обратившись к постижению природы человека. Эта тема в творчестве Достоевского занимает исключительно важное место; человек есть такой микрокосм, вокруг которого вращается весь мир, бытие, макрокосм. Судьба человека-микрокосма тесно переплетается с судьбой макрокосма, но в этом переплетении человеку отводится главная роль. Такая «исступленность и исключительность» антропологизма и антропоцентризма объясняется тем, что у великого писателя «предстательство» о человеке и его судьбе доведено до богоборчества, но эта борьба заканчивается вручением судьбы человека в руки Богочеловека – Христа. Антропологизм Достоевского является христианским по содержанию. «У Достоевского нет ничего, кроме человека, нет природы, нет мира вещей, нет в самом человеке того, что связывает его с природным миром, с миром вещей, с бытом, с объективным строем жизни. Существует только дух человеческий и только он интересен, он исследуется» [6, с. 26–27].

Каким предстает человек в изображении Достоевского? Мы не найдем в нарисованном им образе человека ничего умозрительного, отвлеченного, надуманного; человека показан не с позиции вымышленного абстрактного гуманизма, но таким, какой он есть в реальной жизненной ситуации – «существо на двух ногах и неблагодарное. Но это еще не все; это еще не главный недостаток его; главнейший недостаток его – это постоянное неблагонаравие, постоянное, начиная от Всемирного по-

топа до Шлезвиг-Гольштейнского периода судеб человеческих». Человеческая душа есть загадка, непостижимая для рационального ума; ее сложность и противоречивость приводит к тому, что человек остается «неустроенным» в земной жизни – ему никогда не создать социальное общежитие на разумных основаниях в силу того, что он существо больное – “разложение” и “преступление”. Люди вовсе не “дети Божьи”. Они есть носители зла, лжи, разрушения и разложения; нет никаких внешних причин, делающих человека порочным, причина всех человеческих несчастий кроется в самом человеке. Темное в человеке, хаотичность и неустроенность души, власть подполья и аморальность его, жуткая сила пола, – говорит Зеньковский, – все эти темы были нужны Достоевскому, чтобы осмыслить то, на что он нагляделся на каторге, и чтобы сбросить с себя власть этих жутких видений» [5, с. 267]. Чтобы понять человека, недостаточно апеллировать к его разуму и видеть в *animal rationale* вершину в эволюции природы творящей (*natura naturans*); человек – это «ужасающая темнота души», заглянув в которую, Достоевский испытал острое желание пойти по пути спасения человечества. Христианская идея спасения лежит в основе всех духовных исканий великого мыслителя, и его утопия «красота спасет мир» является одним из таких способов спасения человечества. Но поскольку человек – существо высокое и низкое – образ Божий и образ сатанинский – ангелоподобное и демоническое, то идея «красоты-спасения» оказывается явно недостаточной, чтобы вернуть человека в лоно Божье, ибо красота изначально задавлена злом и грехом. Эстетическая философия Достоевского такова, что она сама вступает в противоречие с его эстетической утопией и разрушает ее. Красота в ином обличье выступает в «Бесах»: образ Ставрогина выражает такую идею «красоты», которая говорит о ее эстетическом «помутнении» в человечестве. В «Бесах» все говорят о красоте, замечает Зеньковский, заморожены ею, однако о такой «красоте», где разорвана связь красоты и добра.

Но наиболее полное выражение красоты как «греха», как «двусмысленности эстетического восприятия», в котором стерты границы между добром и злом, мы находим в романе «Братья Карамазовы». Вот знаменитые слова Дмитрия, обращенные к Алеше: «Я падаю и считаю это для себя красотой. – Красота это страшная и ужасная вещь. Страшная потому, что неопределимая, а определить нельзя, потому что Бог задал одни загадки. Тут берега сходятся, тут все противоречия вместе живут... Красота. Перенести я притом не могу, что иной, высший даже сердцем человек и с умом высоким, начинает с идеала Мадонны, а кончает идеалом Содомским. Еще страшнее, кто уже с идеалом Содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны и горит от него сердце. Нет, широк че-

ловец, слишком широк, я бы сузил. Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой... В содоме красота и сидит для огромного большинства людей – знал ли ты эту тайну или нет? Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут диавол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей».

В этой краткой, но гениальной тираде выражены все противоречия красоты, над которыми мучительно размышлял Достоевский: красота не только в идеале Мадонны, но и в идеале содомском, красота не только божественна, но несет и демоническое начало. Потому-то Ставрогин «в обоих полюсах находил совпадение красоты, одинаковость наслаждения», ощущал притягательность того и другого в силу полярности человеческой природы («двусмысленность эстетического восприятия», по Зеньковскому). «Власть видел в красоте и Достоевский, – цитирует С. Маковский размышления о красоте И. Анненского, – но это была для него уже не та пьянящая власть наслаждения, для которой Тургенев забывал все на свете, а лирически-приподнятая, раскаянно-усиленная исповедь греха. Красота Достоевского то каялась и колотилась в истерике, то соблазняла подростков и садилась на колени послушникам. То цинически-вызывающая, то злобно-расчетливая, то неистово-сентиментальная, красота носила у Достоевского глубокую рану в сердце; и почти всегда – или паденье, или пережитое его страшное озлобление придавали ей зловещий и трагический характер. Таковы Настасья Филипповна, Катерина Ивановна, Грушенька и Лиза, героиня «Бесов». Красота всех этих девушек и женщин, но странно – никогда не замужних, если красота их точно должна быть обаятельной, – не имеет в себе в сущности ничего соблазнительного... Настасья Филипповна, Аглая и другие как-то уж слишком великолепны. И при этом они не только сеют вокруг себя горе, но даже сами лишены отрадного сознания своей власти. Это прежде всего, мученицы, иногда веселые, дерзкие, даже расчетливые, но непременно мученицы. В женщине, правда, Достоевский красоту все же допускал и даже, пожалуй, по своему, любил. Но красивые маски мужчин, как Ставрогин и Свидригайлов, были ему отвратительны и страшны, хотя страшны и совсем по другому. Если у женщин красота таила чаще всего несчастье, рану в сердце, глубоко мстительное оскорбление, то в мужчине красота заставляла предполагать холодную порочность» [7, с. 143]. Итак, идея «красоты» Достоевского предполагает, что можно начать с Мадонны и кончить Содомом, в котором сердце усматривает красоту («помутнение эстетической идеи в человечестве»). Красоту можно видеть в грехе и моральном разложении, поскольку она находится «по ту сторону добра и зла» (Ницше); «нет никакой внутренней связи между красотой и добром, красота равнодушна к добру и на красоту нельзя положиться» [5, с. 276].

Далее. На вершине постижения «красоты» («высший даже сердцем человек и с умом высоким») находятся люди, которые совмещают идеал Мадонны с идеалом содомским. Вот здесь-то и возникает загадка красоты; ее можно видеть во зле, и она уравнивает добро и зло. Здесь обнаруживается не только двусмысленность красоты, но и «ужас», который она приносит с собой.

«Ужас» красоты со всей силой проявляется в «жуткой силе пола». Связь красоты с полом задает загадку потому, что пол связан с красотой не только в нормальных, но и извращенных отношениях. Извращения в области пола («позор» для ума) предстают таковыми только с точки зрения морали, морального сознания, с эстетической же точки зрения они не подлежат осуждению. «Бесспорно, эстетические оценки не включают в себе той мучительности, которая есть в оценках моральных, – говорит Бердяев. – И, может, именно поэтому дьявол хочет воспользоваться красотой для своих целей. Красота может стать демонической не по своей сущности, не потому, что она есть, она может быть лишь использована в борьбе полярно противоположных сил» [3, с. 327]. Человек ищет красоту как в окружающей действительности, так и в поле. В этом и есть ужас того «открытия», которое делает Достоевский, замечает Зеньковский.

«Широк человек, слишком широк, – говорит Дмитрий Карамазов, – я бы сузил». В этих словах выражена мысль Достоевского о том, что человек – сложное и противоречивое существо: он помимо своей воли стоит перед двумя безднами: возвышенной и низменной; он велик и силен, мал и ничтожен одновременно.

Всесилен я и вместе слаб,
Властитель я и вместе раб,
Добро иль зло творю – о том не рассуждаю.
Ф. Тютчев

Человеку никогда не овладеть свободой, потому что он не в состоянии противостоять соблазнам – красоте содомской. Эстетика делает проблему свободы шире и трагичнее, нежели она представляется только моральному сознанию. Загадка красоты состоит в том, что она непостижимым образом связана с духовным противостоянием человека перед двумя безднами и равнодушно взирает на его борьбу – к победе добра она не имеет никакого отношения.

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!
Ф. Тютчев

Красота не имеет отношения к добру, как думает князь Мышкин и Достоевский в своей эстетической утопии. Теперь – в романе «Братья Карамазовы» – красота предстает в другом обличье – «раны в сердце», «греха», и она не только не спасает мир, но его губит. Губительная сила красоты проявляется в «безудержье пола», ибо пол, будучи источником всего высокого, является также причиной самых ужасных падений (исповедь Ставрогина). В погоне за красотой человек не может устоять перед соблазном красоты содомской; в этом факте проявляется слабость, беспомощность и невозможность «устроения» человека в жизни на разумных основаниях. Красота есть для человека загадка.

Красота... «Что уму представляется позором, то сердцу сплошь красотой... Ужасно то, что красота есть не только страшная, но и таинственная вещь. Тут диавол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей». Красота такова, что она находится в сердце человека, но сердце беспомощно перед ней, поскольку та ослепляет его и тем самым лишает сердце моральной силы и свободы. Поскольку таких людей, как старец Зосима или Алеша не существует, это всего лишь идеализированные персонажи, постольку красота оказывается бессильной в деле спасения мира. Красота не обладает никакой силой спасения; напротив, «...красоту в мире нужно спасать – вот страшный трагический вывод, к которому подходит, но который не смеет осознать Достоевский. Красота в мире является предметом борьбы между злым началом и Богом» [5, с. 277].

Итак, согласно христианскому мировоззрению Достоевского, которое в значительной степени было натуралистическим, существует два вида красоты: метафизическая красота – вечная и неизменная красота Бога и земная красота – красота природы сотворенной (*natura naturata*). Земная красота несет в себе изначально два противоположных начала – добро и зло. Раздвоение красоты есть отражение двойственной природы самого человека: «злая красота» есть не что иное, как человек падший, существо большое – «разложение» и «преступление». Люди отнюдь не «дети Божьи» но способны на всякие подлости и мерзости, разложение и разрушение. Видимо, с самого начала человек был «сделан из слишком кривого дерева, чтобы из него можно было выстругать что-нибудь совершенно прямое» (Кант) и его в принципе невозможно переделать. Такой человек не видит и не понимает красоты и своей эгоистической деятельностью разрушает и губит красоту. Красота сама по себе бесильна и никого не спасет.

Литература

1. *Селиванов Ф.А.* Спасет ли мир красота? // Селиванов Ф.А. Поиск ошибочного и правильного. Тюмень: Изд-во Тюмен. ун-та, 2003.
2. *История красоты* / Под ред. У. Эко. М., 2006.
3. *Бердяев Н.А.* О назначении человека. М.: Республика, 1993.
4. *История уродства* / Под ред. У. Эко. М., 2007.
5. *Зеньковский В.В.* Русские мыслители и Европа. М.: Республика, 1977.
6. *Бердяев Н.* Миросозерцание Достоевского. М., 2001.
7. *Маковский С.К.* На Парнасе Серебряного века. М.; Екатеринбург, 2000.